
Г. Н. ГУМНИЦКИЙ, М. Г. ЗЕЛЕНЦОВА

МОРАЛЬ И РЕЛИГИЯ

1. Явление и сущность морали

Мораль, или нравственность, является в виде представлений о хорошем и плохом, правильном и неправильном поведении, понятиях добра, долга, человечности (гуманности), справедливости, чести, в форме голоса совести, соответствующих чувств, стремлений и намерений, поступков, своих или чужих, которые мы оцениваем положительно или отрицательно, одобряем или осуждаем. Задача состоит в том, чтобы выявить сущность этих явлений. Этическая мысль работает над ее решением с древних времен, но и сейчас общепринятая теория морали еще не создана.

В 60–70-е гг. XX в. у нас велась довольно интенсивная работа по теоретическому осмыслению морали, выдвигались различные точки зрения. Так, предлагалось определить мораль через ее отдельные понятия, например через понятия добра и зла или гуманности. Но в этом случае возникает логический круг, ибо сами эти понятия могут быть определены лишь через понятие морального, заключающего в себе нечто для них общее и каждым из них не выражаемое полностью. В другом определении морали указывалось на то, что она полезна во многих отношениях. Но разве это можно сказать только о морали? Были предложены также определения отдельных понятий. Например, добро определялось как то, что приносит благо. Но тогда всякое благо, приносящее какое-либо другое благо, то есть любое средство для достижения цели, надо считать добром. Моральной специфики при таком подходе мы не обнаруживаем.

Проблема специфической цели нравственности была одной из основных (если не основной) в истории этики. Указывались две цели: благо личности и благо общества. Вероятно, первым, кто их обозначил, был Аристотель. Более того, он поставил вопрос и об

их соотношении, заметив, что более предпочтительным следовало бы считать благо общества. Стоицизм единственной подлинной целью считал исполнение долга, то есть служение обществу, эпикуреизм же на первое место ставил достижение личного счастья. В Новое время также сохранялись две точки зрения: альтруизм (теория нравственного чувства А. Смита) и эгоизм (теория «разумного эгоизма», утилитаризм). «Синтез противоположностей» был произведен Иммануилом Кантом, который был и, наверное, остается мыслителем, наиболее глубоко проникшим в тайну нравственного феномена. (Нам остается лишь интерпретировать его учение о морали, хотя и с некоторыми поправками философского, а в какой-то мере и этического характера.)

Из этических идей Канта наиболее известен его категорический императив. Не приводя данной Кантом формулировки буквально, можно сказать, что на первое место он ставит требование поступать в соответствии со «всеобщим законодательством», выражающим, очевидно, интересы общества в целом, общее благо, а на второе – уважать и личное благо, относиться в равной мере к каждому члену общности не только как к средству, но и как к цели. Единство этих двух целей еще не подчеркивается, но явно подразумевается их включением в одну формулу.

По сути, развивая идею категорического императива, Кант дает определение высшего блага как единства долга и счастья и уточняет понимание личности как цели, определяя последнюю как конечную цель. Так как в качестве субъекта, исполняющего основной моральный закон, полагается личность, то этот закон можно сформулировать как отношение (сумму отношений) личности к определенным целям, а именно: к общему благу как к исходной и ведущей цели, к личному благу как к конечной цели и к их единству (согласованию, гармонии) как к высшей цели, высшему благу.

В первом приближении общество служит лишь средством для его членов. Но индивиды могут существовать только в обществе, поэтому должны заботиться о его благе, а значит, относиться к нему как к цели. В свою очередь общество относится к ним как к целям, ибо их действия имеют определяемый его интересами общественно целесообразный характер. Поскольку благополучие общества – первое и основное условие благополучия индивидов,

а вся их деятельность должна быть общественно целесообразной, благо общества должно быть для личности исходным и ведущим. Но это уравнивается тем, что личное благо для общества должно быть конечной целью. Мораль создана обществом как необходимая духовная форма его бытия, и только в границах этой формы возможна идея и практика такого отношения к личности, норма, требующая соответствующего уважения к ее благу. Условием же этого уважения является уважение к системе общественных норм в целом, признание ее исходного и ведущего значения для общественно значимой деятельности индивидов.

Неправильно характеризовать благо личности как высшую цель, поскольку высшей целью признается единство личного и общего блага; две разные цели не могут быть высшими по отношению друг к другу. Это ясно, если вопрос ставится в общем плане. Но в определенных ситуациях каждая из них может оказаться выше другой. Общее благо становится высшим в условиях, требующих от личности серьезно рисковать здоровьем или жизнью, когда речь идет о защите родины, спасении человека, и в каких-то других случаях. Личное благо может стать высшим по отношению к каким-то общим интересам, например производственным, когда больной нуждается в освобождении от работы. Но это крайние случаи, исключения, подтверждающие общий принцип единства личного и общественного как высшего блага. Его нарушения в таких ситуациях являются необходимыми моментами, подтверждающими его в общем и целом.

На интеллектуальном (рациональном) уровне мораль дана нам в виде ряда всем известных специфических понятий, смысл которых мы понимаем интуитивно. Формула основного морального закона (ОМЗ), или основного морального отношения (ОМО), позволяет дать их определения и тем самым понять их смысл логически, то есть ясно и отчетливо. В этом случае они уже могут применяться теоретически, в качестве этических категорий. Так, долг можно определить как форму выражения необходимости моральных отношений (МО), добро – как цель и результат МО, человечность – как отношение к благу личности как к конечной цели, и т. д.

Из ОМЗ, или ОМО, следуют положения, которые, очевидно, надо считать общими законами морали. Они формулируются с по-

мощью специфических моральных понятий. Например: необходимо выполнять свой долг, делать людям добро и т. п. Это законы долга, добра, гуманности, уважения человеческого достоинства, справедливости, солидарности (коллективности). В сознании они выступают в качестве принципов. От правил они отличаются тем, что не могут нарушаться, допускать исключения, тогда как из правил могут быть исключения, требуемые или допускаемые принципами. (Так, не во всех случаях можно говорить правду.) Общей идеей морали является нравственный идеал, который, очевидно, имеет два аспекта: идеал моральной личности и идеал гуманного общества.

Мораль в полном значении включает эмоциональный и подсознательный уровни, а также волю в ее моральном аспекте, как добрую или злую. Знания в области этики, если они являются убеждениями, играют определенную морально-регулятивную роль, а значит, могут быть отнесены к содержанию нравственности. Не следует считать элементом морали поведение (в его этическом смысле). Нелогично признавать мораль регулятором поведения и в то же время включать его в состав той же морали. (Имеет смысл различать мораль и предмет этики, этическую область в целом, ибо в нее входят и аморальные явления, взгляды и чувства, противоречащие морали, а также действия-поступки, из которых складывается поведение в этическом смысле и которые являются следствиями реализации [или нереализации] моральных взглядов и чувств.)

2. Основа морали

Мораль – это сфера норм, требований, запретов, сфера должного. Она говорит не о том, как люди поступают в действительности, но о том, как надо поступать. И она является ценностной формой сознания: оценивает поступки людей, соответствующие должному, признает их правильными и одобряет, а противоречащие ему считает неправильными и осуждает. Существует точка зрения, согласно которой должное и сущее – абсолютные противоположности, так что должное привносится в жизнь откуда-то извне, из какого-то независимого от нее мира. Но если бы в должном не было ничего, что бы соответствовало реальности, как бы оно могло с ней соприкасаться, тем более в нее воплощаться? Моральные поступки все-

гда совершались и совершаются, следовательно, мораль является не только чем-то должным, но и сущим, относится к сфере сущего, и должное находится в самом сущем. Морально-должное – это духовная, субъективная форма отражения его объективной основы – определенной реальной необходимости.

Как говорили еще древние философы, все в мире происходит по необходимости. (Случайность – лишь форма проявления необходимости.) Зная, в чем заключается сущность морали, можно определить, какова лежащая в ее основе необходимость. Для этого надо обратиться к природе человека, к присущим ей потребностям, которые заключены в человеческих потребностях. Последние обладают непреодолимой силой и с понятной необходимостью заставляют действовать для их удовлетворения. На их основе возникают интересы, в которых выражаются условия, столь же необходимые для удовлетворения потребностей.

Н. В. Медведев в статье «В поисках основания морали»¹ возражает против объяснения морали исходя из природы людей, из их потребностей, считая это «натурализмом» в этике. «Натурализм», по мнению автора, рассматривает мораль как «функцию» некоторой природной реальности². Так что же, мораль надо выводить из внеприродной реальности? Об этом автор ничего не говорит. Но ясно, что он выступает против материализма в понимании морали. Остается идеализм, с позиций которого научное объяснение морали невозможно. Автор отрицает наличие единой человеческой природы³, но затем ее признает, замечая, однако, что о ней можно говорить лишь на предельно абстрактном уровне, а поэтому(?) она не является основанием для понимания морали⁴. Здесь мало логики, но есть повод для того, чтобы сказать несколько слов о единой природе человека и о значении ее абстрактного понимания.

Очевидно, что все люди имеют нечто общее, что позволяет относить их к одному виду – Человек разумный. Это вынужден был признать и сам Н. В. Медведев. Что касается абстрактного понятия

¹ Медведев, Н. В. В поисках основания морали // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – Вып. 6(50). – 2007. – С. 82–86.

² Там же. – С. 83.

³ Там же. – С. 85.

⁴ Там же. – С. 86.

человеческой природы, то его, конечно, нельзя считать бессодержательным. Важное же его значение состоит в том, что оно позволяет выделить и зафиксировать самые существенные черты, присущие всем людям. Как заметил К. Маркс, если мы хотим понять, что полезно для человека, надо знать, какова его общая природа и как она модифицируется в каждую историческую эпоху. В морали всех эпох и культур имеется нечто общее. Морали присуща та же степень общности, что и природе человека, поэтому их абстракции вполне сопоставимы. Значит, можно задать вопрос: есть ли в природе человека свойства, черты, из которых можно было бы вывести существенные особенности морали, прежде всего свойственный ей модус должностования как в его формальном, так и в содержательном значении?

Мы будем исходить из синергийной концепции природы человека, согласно которой существенное значение имеют все ее уровни начиная с физического. Потребности человека непосредственно обусловлены двумя высшими уровнями – биологическим и техническим. Последний принято называть социальным. Но для нас в этом случае возникает затруднение, связанное с тем, что под социальностью нам придется понимать в основном не содержание общественной жизни людей, а лишь ее форму, само отношение их соединенности в сообщество. В точном и буквальном смысле термин «социальность» имеет именно это значение. В таком смысле социальность – свойство всего животного мира. В свою очередь социальность является видом ассоциативности, которая, как очевидно, представляет собой общее свойство материи, мира во всех формах его бытия. В этом смысле человека правильнее называть не биосоциальным существом, но биотехническим, или биотехнологическим.

Исходные импульсы, побуждающие к деятельности, человеку, как и животным, дают биологические потребности. Но чтобы их удовлетворять, он опять-таки, как и большинство животных видов, должен являться членом социума. Жизнь в социуме делает человека существом социальным, как это происходило с его животными предками, не только с ближайшими, но и с самыми отдаленными. В течение времени их существования у животных возникли, сформировались и развились, передаваясь генетически из поколения

в поколение, социальные инстинкты, чувства и стереотипы социального поведения. На основе биологических потребностей возникли социальные, унаследованные людьми, у которых они получили осознанную, понятийную форму выражения. Сути же социальной это не меняет. Она одна и та же и для животных, и для людей и состоит в согласовании индивидуального и коллективного, которое можно считать высшим законом социальной и индивидуальной целесообразности в аспекте их взаимодействия. Это означает, что потребности индивида должны удовлетворяться с учетом потребностей других членов общности и благополучия общности в целом, а потребности целого – с учетом потребностей отдельных индивидов, всех и каждого. Такое соотношение двух групп потребностей и лежит в основе нравственности.

Индивидуальные потребности и интересы представляют основу морали не сами по себе, а в их синтезе с общими. Именно синтез, их взаимное отрицание и утверждение, является этой основой. Поэтому личный интерес с точки зрения морали может при необходимости ограничиваться, ущемляться в пользу общественного. Моральная необходимость оказывается более высокой, более сильной, если имеется в виду нормальная в нравственном отношении личность, чем те необходимости, на основе соединения которых она возникает. Этим можно объяснить великую силу чувства долга и голоса совести, огромное историческое значение законов человечности и справедливости.

Нравственность – неотъемлемая сторона природы человека и существования человечества. Но ее регулятивная сила меняется в ходе исторического развития. В определенные эпохи общественная мораль оказывается на крайне низком уровне. В то же время люди в своей основной массе сознательно или бессознательно, с большей или меньшей энергией стремятся к достижению морального идеала. Можно сказать, что в истории действует необходимость, закон установления и сохранения единства, гармонии интересов личности и общества, иначе говоря, необходимость реализации высшего закона целесообразности взаимоотношений личности и социума. Как представляется, этот закон, определяющий сущность морали, является общим и основным критерием исторического прогресса, оценки исторических деятелей и событий. Прояв-

ляясь в повседневно действующих формах морали, он оказывает влияние на различные стороны общественной практики, на ход истории.

В конечном счете развитие общества определяется не моралью, а производственной деятельностью людей, вследствие которой изменяются формы их жизни. Так, с возникновением частного характера труда и частной собственности существенно усилилась индивидуалистическая тенденция в сознании и поведении людей, равные, товарищеские отношения сменились враждой, «борьбой всех против всех», господством одних над другими. Как писал Ф. Энгельс, это было настоящим грехопадением с простой моральной высоты родового строя. Мораль во многом оказалась «в загоне», и такое положение в определенных условиях сохраняется до настоящего времени. Но всегда были люди – «пророки», «святые», поэты и писатели, ученые и философы, – которые верили в возможность создания такого общественного строя, при котором станет осуществимым подлинный моральный идеал, восторжествуют добро, гуманность и справедливость. Это была социалистическая идея, явившаяся следствием нравственного умонастроения, представления о высшей человеческой разумности моральных законов, морального идеала. Социалистической была идеология раннего христианства. В Новое время появились учения утопических социалистов, научный социализм К. Маркса и Ф. Энгельса. В XX в. началась эпоха перехода от капитализма к социализму, от классового неравенства к социальному равенству, к практическому осуществлению морального идеала. В основе этого лежит опять-таки развитие производства, но теперь уже приведшее к возникновению общественного характера труда, а значит, к необходимости установления общественной собственности на средства труда.

Моральный идеал и идея социализма, по сути, тождественны. Они равно вытекают из одной и той же особенности природы человека. Важнейшей необходимостью социальности является обеспечение ее прочности. Социальное равенство между людьми укрепляет общественную систему, а неравенство ее ослабляет, в конечном счете разрушает. Если частные интересы какой-то части социума оказываются сильнее общих, это в конце концов ведет к его гибели. Значит, законом сохранения социума является социальное

равенство его членов. Этот закон и составляет суть социализма. Он же определяет и существенную особенность морали. Для морали все члены общности равны, все характеризуется одним и тем же человеческим достоинством. Допущение неравенства с точки зрения морали невозможно: неотъемлемая черта морали состоит в том, что ей следуют по собственной воле, свободно (таков еще один принцип категорического императива). Но может ли индивид быть морально свободным, если он – страдающая сторона в системе социального неравенства, о которой Н. Г. Чернышевский говорил, что здесь одни свободны есть на золотой посуде, а другие – ночевать под мостом. Будет ли такой человек руководствоваться моралью в отношении всех членов общества и социума в целом?

Как понимать положение о классовости морали? Мораль господствующих классов в той мере, в какой она была им свойственна, распространяется лишь на их внутренние отношения, в которых равенство членов класса признается. На представителей низших классов она не переносится. Так, рабы в античном мире считались не людьми, а «говорящими орудиями». Напомним, что А. С. Пушкин в стихотворении «Деревня» писал о своем времени:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Можно ли здесь говорить о морали, общей для всего социума?! Для буржуазии от морали остаются жалкие клочки. Ей на смену приходит антипод морали – эгоизм, ведущим мотивом становится неутолимая жажда личного обогащения. Аморализм господствует и в международных отношениях. Таким образом, очевидно, что мораль в ее истинном понимании может быть единой для всего общества, распространяться на всех его членов и являться действенным регулятором поведения каждого лишь в условиях социального равенства, то есть при социализме.

Можно ли при капитализме, ничего в нем не меняя, морально объединить, консолидировать общество? Можно ли «консолидировать» миллиардера со школьным учителем, у которого не хватает средств, чтобы заплатить по счетам ЖКХ, за место для ребенка в детском саду, за лечение и лекарства и т. д.? Если что-то их «объединяет», так это то, что у них обоих вычитают подходящий налог по одной «плоской» шкале.

3. Мораль и разум

Для более полной характеристики морали к ней следует подойти и с точки зрения гносеологии. Сейчас в некоторых публикациях можно встретить утверждение, что мораль выражает субъективные интересы разных классов и слоев общества, а значит, не имеет отношения к истине. У нее будто бы нет никаких объективных оснований, так что каждый по-своему прав. То, что с одной точки зрения справедливо, с другой – несправедливо, понятие справедливости не имеет строго определенного смысла, и в политической борьбе пользоваться им практически бесполезно. Более «глубокий» аргумент в пользу этой позиции состоит в том, что мораль – нормативно-ценностная система, а нормы и оценки субъективны, имеют идеологическое значение, их нельзя причислять к области знаний и научно обосновывать или опровергать.

Так ли это на самом деле? Имеет ли мораль отношение к сфере знаний и разума, содержит ли она истину или сугубо условна и субъективна? Ответ на этот вопрос важен для понимания социальной и исторической значимости морали. Говоря о знаниях и разуме, нельзя не затронуть вопрос о вере, ибо эти понятия тесно связаны. В последнее время их подчас отождествляют, что нельзя признать правильным.

Человека определяют как существо, обладающее разумом. С наименьшим правом можно сказать, что он – существо моральное. Мораль и разум неразделимы. Можно ли себе представить, чтобы вполне разумный человек был в то же время аморальным? Что же такое разум? Отличаются ли друг от друга, например, понятия ума и разума? Можно ли религиозную веру считать видом разума? Как соотносятся между собой разум и знание?

Очевидно, правильно будет считать, что разум – это знание, взятое в функциональном отношении, в качестве основы, средства для мышления и всякой иной деятельности, для своего собственного роста и развития. Знание – содержание разума. Конечно, надо уметь им пользоваться, но для этого опять-таки нужны определенные методологические и методические знания. Нет знаний – не будет и разума. Отсюда уже ясно, что религиозная вера не может претендовать на звание разума, ибо она не основана на каких-либо знаниях о своем предполагаемом предмете. Чтобы убедиться в этом, надо понять, что означает слово «знание».

Согласно философскому словарю (ФЭС, 1983), знание – это адекватное отражение действительности в сознании в виде представлений, понятий, суждений, теорий. Видимо, в более строгом смысле элементарной формой знания является суждение, так что представления и понятия можно считать лишь элементами знания. Согласно Фоме Аквинскому, знание возникает на основе чувственного восприятия вещей. Ребенок придвигает одну палочку к другой и узнает, что один плюс один равняется двум. Так начинается математическое знание. Все знания в конечном счете основаны на опыте, без него получение знаний невозможно. Если знания получены уже в готовом виде, на уроках или из учебников, то и тогда это положение остается верным. Знание включает момент убежденности или уверенности, что оно соответствует своему предмету, является подлинным знанием. Поэтому знанию присуща модальность необходимой истинности, аподиктичность. («Убежденность» и «уверенность» – не то же самое, что «вера», но твердость в признании истинности как знания, так и веры. Д. Юм считал, что знанию предшествует «животная вера», но, скорее всего, он имел в виду именно убежденность. На самом деле, наоборот, знание в качестве материала служит необходимой предпосылкой веры.)

Очень убедительно принципиальное различие между знанием и верой показал И. Кант, дав их сравнительные определения: знание имеет достаточное объективное основание, вера же – недостаточное. Если модальностью знания является необходимость (признания истинности суждения), то модальностью веры – возможность. Можно сказать, что знание категорично, вера же проблематична. Кант отмечает умеренный и скромный тон веры, не требующей

безусловного подчинения. Это означает, что вера не включает в себе полной, безусловной убежденности в своей истинности, что ей присущ момент неверия. Кроме того, надо различать рациональную и иррациональную веру. Первая основывается на знании и может рассматриваться как знание в процессе формирования. В науке это, например, отношение к гипотезе. Если она оправдывается, вера переходит в знание, а убежденность в ее истинности становится полной. Такая вера служит стимулом познания и практики. Нас здесь интересует религиозная вера, иррациональная по своему характеру. Ниже мы будем говорить о вере, имея в виду именно ее.

Религиозной вере также предшествуют определенные знания, без которых она была бы полностью лишена всякой предметности и какого-либо смысла. Используя познавательный материал, вера, однако, дает его превратное истолкование. Специфичным для нее является признание сверхъестественного, то, что отсутствует в природе, ей чуждо, с ней несовместимо. Некоторым моментам реального мира вера придает в представлении абсолютный характер, тем самым делая их непредставимыми и логически невыносимыми. Так появляются слова «всемогущество», «всеведение», «всеблагодать». Но их нельзя мыслить без противоречий. Возникает вопрос: если есть «мировой дух», называемый «Богом», обладающий этими атрибутами, вместе взятыми, если «Он» любит людей, как утверждают богословы, то почему же в нашем мире творится столько зла? Наш «слабый» разум этого понять не может и никогда не сможет, ибо это в корне несовместимо с элементарной человеческой логикой. Можно сказать: «Верую, ибо абсурдно». Но почему надо верить? Кому это надо и зачем? В одном учебном пособии по философии утверждается, что богословие является особым видом познания, ибо вере доступно то, что невозможно познать «в формах человеческой логики». Теперь заявляют, что вера – это разум, причем даже более высокий, чем разум человеческий. Но ведь существуют самые различные верования, верить можно во что угодно, никаких ограничений здесь быть не может. Что же, все верования разумны, или разумна только одна вера – та, которую признаем мы? Но с помощью какой логики это можно доказать? Где критерий, с помощью которого можно отличить разумную веру от неразумной? Очевидно, мы выберем критерий полезности для нас. Тогда это

должна быть вера в силу разума, но это уже не религиозная вера, а вера рациональная, вытекающая из понимания роли разума в нашей жизни. Человек разумный может и должен руководствоваться своим разумом и только им, ибо другого, да еще лучшего, более высокого, чем наш, мы не знаем и знать не можем, если бы даже он существовал, ибо мы можем правильно мыслить и действовать только в «координатах», в «пределах» нашего разума. Наш разум часто бывает неразумным, приносит нам немало зла. Но преодолевать его неполноту, несовершенство можно только одним способом – с помощью самого же разума. Другого способа нет и не будет.

Можно ли объяснить мораль из воли «мирового духа»? Как это сделать, если мы не знаем, что означает это выражение? Получается объяснение еще непонятного из вообще непонятного. В одном из диалогов Платона Сократ спрашивает: считается ли нечто злом, потому что так повелел бог, или он повелел так считать, потому что это само по себе есть зло? В этом вопросе содержится сомнение, что мораль имеет божественное происхождение, а также предположение, что она имеет объективный смысл и не зависит от субъективного произвола. Кант прямо утверждал, что мораль автономна, самостоятельна по отношению к религии. (Правда, он все же оставлял место вере, что связано с его агностицизмом.) На самом деле мораль может быть объяснена только в пределах разума, на основании наших знаний о человеке, что мы и попытались показать выше. Мы видели, что мораль подчинена объективным законам, не зависящим от воли людей, а это значит, что моральными оценками нельзя манипулировать, считать их субъективными и абсолютно релятивными, не требующими ни от кого обязательного признания. Нигилизм по отношению к морали у нас широко распространен, но он ложен и нетерпим, что мы должны ясно понимать.

Имеют ли нормы и оценки, идеология, которая ими оперирует, отношение к знаниям, разуму, истине? По этому вопросу довольно распространенным является отрицательное мнение. Об идеологии говорят, что она субъективна, и поскольку философия включает идеологический компонент, она не может считаться наукой. Это пример абсолютного, метафизического, то есть антидиалектического, разграничения разных аспектов единого человеческого духа, которые на самом деле глубоко между собой связаны. Разве идео-

логия – не форма отражения действительности, а значит, включает в себе познавательный момент? Другое дело, что она может быть адекватной или неадекватной, истинной или ложной. Почему научная теория не может в то же время быть идеологией, играть определенную социальную роль?

Норма или требование, призыв или запрет по своей логической форме не могут характеризоваться как истинные или ложные, ибо говорят не о том, что есть, а о том, что только должно быть. Но все не так просто. Ведь должное, как мы отмечали, выражает необходимое, существующее объективно. Необходимое же можно охарактеризовать с помощью объяснения или оценочного суждения. Возьмем такое суждение: «Быть честным морально». Это суждение имеет форму истины. На этой истине основан призыв: «Надо быть честным», и поэтому его следует считать правильным. Отсюда ясно, что морально-правильное и морально-истинное, по сути, тождественны. А это, в свою очередь, означает, что мораль следует относить к области знаний и что она входит в содержание разума. Кроме того, она разумна в более широком смысле.

Под «разумным», «рациональным», очевидно, следует понимать то, что целесообразно с точки зрения потребностей и интересов человека, полезно для него, является благом самим по себе или средством для достижения какого-то блага. (Постольку средство также выступает в качестве блага. Поэтому неправильно определять добро как то, что приносит благо.) Принято считать, что «рациональное» означает сферу разума в отличие от чувств, инстинктов, интуиции и др., которые относятся к области иррационального. Но если под рациональным понимать разумное и целесообразное, то под его антиподом приходится мыслить противоразумное и нецелесообразное. Между тем чувства и инстинкты могут быть вполне разумными. Поэтому лучше принять (как предлагал К. Поппер в одной из своих работ) другую терминологию: «интеллектуальное» вместо «рационального» для обозначения сферы разума и «внеинтеллектуальное» для обозначения того, что находится за ее пределами. Тогда уже не должно вызывать недоумение или несогласие признание того, что мораль на низших ее уровнях (чувств, интуиции), не говоря уже об интеллектуальном, является разумной, рациональной, а через посредство высшего уровня

(уровня понятий, суждений и т. д.) входит в сферу разума. Остается только повторить, что без морали нет человеческого разума. А из этого следует, что мораль не может быть отнесена к области религиозной веры, которая является иррациональной, противоположной разуму.

Чтобы оттенить понятие разума, стоит сравнить его с понятием ума (не претендуя на бесспорность толкования смысла этих слов). Ум, видимо, можно понимать как логическую способность достигать нужных целей независимо от их значимости: они могут быть добрыми или злыми либо вообще не иметь социального значения. Это просто «алгебра» решения любых интеллектуальных задач. Разум – это нечто гораздо большее: он содержателен, включает стремление к высшим жизненным целям, в том числе моральным, которые учитываются и при достижении частных целей. Для нас особенно важно, что разум проникнут моральным содержанием, руководствуется законами морали. И он при этом не изменяет себе, ибо знание этих законов столь же объективно истинно, как знание научных законов и вообще всякое знание.

Близким к понятию разума является понятие мудрости. Разграничить их, кажется, довольно трудно. На наш взгляд, мудрость – это высшая степень разумности, аналогичная гениальности в научном, техническом или художественном творчестве. Мудрость основывается на сильной интуиции и большом жизненном опыте, но ведущее значение для нее имеет высокий нравственный настрой, желание утвердить и защитить принципы морали, осуществить в своем поведении, в поведении других людей, в обществе требования морального идеала, сущность которого отражается в морали. Согласно Канту, мудрость означает познание высшего блага и соответствие воли с высшим благом⁵, то есть единство долга и счастья, общественного и личного. Следовательно, мудрость есть адекватное понимание общей природы человека в ее социальном аспекте и стремление на практике реализовать ее требования, иначе говоря, следование закону (принципу) высшей человеческой целесообразности и соответствующему ему основному моральному закону.

⁵ Кант, И. Соч.: в 6 т. – М., 1965. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 464.

Таковы, на наш взгляд, формы, в которых выражается рациональное содержание человеческой души. И нравственность с необходимостью должна рассматриваться как одна из этих форм. Ее рациональный характер не может вызывать сомнений.

4. Мораль и религия

Религия – древнейшая форма мировоззрения. В течение десятков тысяч лет она являлась единственной идеологией. И в том и в другом качестве она включила в свой состав нравственность, которая получила тем самым религиозную форму выражения и обоснования. Мораль освящается религией и действует с ее помощью. С другой стороны, религия находит в морали рациональную опору и благодаря ей укрепляет свои позиции. В идее Творца в христианстве и других мировых религиях для верующих воплощается нравственный и социальный идеал. Бог выступает как создатель и гарант морального порядка, поэтому вера в него выполняет нравственную функцию.

В границах религиозной морали были выработаны и усвоены многими поколениями такие великие нравственные идеи, как идеи добра, долга, человечности, сострадания, прощения, моральной чистоты и ответственности, уважения человеческого достоинства и др. В современной христианской религии моральная проповедь и поиски решения актуальных нравственных проблем, как представляется, занимают доминирующее место, и поэтому религиозная мораль сохраняет определенное положительное значение.

Преодоление религиозного мировоззрения – длительный исторический процесс. Его ускорение административными средствами и атеистической агитацией не способно дать положительных результатов и ведет к нарушению морального единства общества. Благодаря развитию науки и образования позиции религиозной веры постепенно ослабляются. Но пока она широко распространена в мире и должна сохранять права на свое существование. Пока есть верующие, религиозная деятельность является социальной необходимостью. Поэтому нравственность какой-то части общества может поддерживаться религией и нуждается в просветительской деятельности Церкви.

Но есть и другая часть общества, для которой религиозная мораль не имеет позитивного значения. Подлинная сила нравственно-

сти – в ее рациональной обоснованности, разумности и мудрости. Она существенно превосходит в этом отношении религиозную мораль, которая основана на иррациональной, проблематичной вере в существование рая и ада, богов или бога, дьявола, чертей, ангелов и других мифологических существ. Говорят, блажен, кто верует. Но более надежная сила в жизни – знание. Развитие науки и техники, медицины и образования, форм общественной жизни, социальной свободы обусловлено прогрессом знаний, а не религиозной веры и богословия. Регулятивная сила морали – в ней самой, а не в ее религиозном освящении. Научная этика обращена к разуму, а потому логически убедительна и практически действенна, тогда как религиозная этика, как и вообще теология, полна алогизмов вследствие своей иррациональности и потому в своей основе теоретически несостоятельна. Ее общая логическая ошибка – в нарушении закона достаточного основания, ибо, как указал Кант, признание истинности суждения веры является объективно недостаточно обоснованным. И еще одна общая ошибка – логический круг. В качестве последнего доказательства обычно дается ссылка на Священное Писание: «Так говорит Создатель». Но ведь оно написано людьми. Значит, нечто утверждают люди, повторяя то, что сказали другие люди. Из этого круга нет выхода. Мы должны верить одним, потому что они верят другим. Здесь налицо обе ошибки, которые в рамках веры неисправимы. Несмотря на это, сторонники научной (материалистической) и религиозной этики могли бы мирно сотрудничать, решая конкретные моральные проблемы, например, вопросы о половом просвещении в школе, об эвтаназии, о формах гуманного содержания заключенных, о том, правомерно ли, чтобы размеры доходов депутатов и чиновников определялись ими самими, о том, должно ли государство регулировать рыночные отношения или они должны быть свободными, и т. д. Сейчас РПЦ приглашает материалистов быть партнерами в диалоге. Наверное, они от этого предложения не откажутся, если еще не разучились излагать и защищать свои взгляды. Ведь материалистическая философия давно уже не преподается ни студентам, ни аспирантам... Зато популяризация религии ведется у нас очень интенсивно и по телевидению, и по радио, а в школе вводится ее преподавание. Чтобы партнерство было равноправным, надо восстановить и преподавание материалистической философии. Иначе образование

и воспитание молодежи сохранит у нас однобокий характер, а значит, будет неполноценным.

РПЦ считает, что нравственное воспитание молодежи возможно только на основе религии. Но верно ли это? Современная христианская мораль существенно отличается от морали раннего христианства, имевшей революционный характер и социалистическую направленность. Сегодня это мораль терпения и смирения, социальной пассивности, примирения с действительностью. Она не выражает требований общечеловеческого нравственного идеала – создания гуманного, справедливого, социально однородного общества, в котором нет эксплуатации человека человеком, равно уважается человеческое достоинство каждого члена общества и проявляется равная забота о благосостоянии всех граждан. Церковное воспитание является чисто просветительским, поэтому оно недостаточно эффективно. С точки зрения материалистической этики моральное воспитание должно осуществляться на основе переустройства общества на нравственных началах, в духе этого процесса, только тогда оно может быть успешным. В массовом масштабе нравственность в социуме может формироваться лишь в условиях человечности и социальной справедливости.

Воспитание религиозной морали ведется с позиций иррациональной веры, которая является проблематичной и, конечно, представляется учащимся, способным к самостоятельному мышлению, неубедительной в сравнении с научными, материалистическими по своей философской сути знаниями, которые им дает школа. Это снижает значимость морального влияния уроков этики и вызывает неуважение к деятельности школы, мировоззренческая позиция которой выглядит противоречивой, несостоятельной и нечестной. В результате от такого «воспитания» может быть больше вреда, чем пользы. Психологические последствия такой мировоззренческой двойственности также в некоторых случаях могут быть нежелательными. Если же моральное просвещение ведется на научной основе, то это обеспечивает мировоззренческую цельность и логическую последовательность получаемых учащимися знаний и положительную моральную значимость всего процесса образования.

5. Заключение

Уже в приведенном выше вопросе Сократа выражено сомнение в необходимости религиозного освящения морали. В XVIII в. философы-материалисты писали о возможности нравственного общества атеистов. Так же считал Н. Г. Чернышевский и другие материалисты в России XIX в. Известный философ В. С. Соловьев писал, что атеист может быть таким же нравственным, как и верующий. Сравнение современной России с Россией советского периода заставляет думать, что не вера или неверие, а экономический строй общества определяет его моральный уровень. В нашем понимании нравственность по своей сущности не только возможна, но в современную эпоху функционирует в образованных слоях общества независимо от влияния религии. Что касается верующих, то в их сознании нравственность, конечно, связана с их верой и без нее немислима. Пока есть верующие, нужна и религиозная мораль. Но насколько эффективна вера как основа устроения и морально-положительного поведения? Чтобы судить об этом, нужны специальные психологические исследования. Вполне возможно, что в немалом числе случаев вера помогает быть моральными тем, кто и без ее влияния является моральным. И, напротив, аморальная личность всегда сумеет обойти религиозные запреты, если они мешают достижению ее целей, и оправдать себя.

Моральность, как считал И. Кант, – необходимое условие достижения счастья и его неотъемлемый элемент. Подлинное счастье – это полнота и гармоничность жизни. И достижение счастья возможно только на основе разума, рационально понимаемой морали. Учение, переносящее счастье в потусторонний мир, фактически лишаящее человека надежды на его достижение, не может быть основой подлинной морали. Ибо конечной целью морали, служащей средством осуществления требований общей природы человека, прежде всего надежной и прочной социальности, является человеческое счастье.